

Ольга Викторовна ТРОФИМОВА¹

УДК 811.161.1'42

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ДЕЛОВОМ ТЕКСТЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и общего языкознания,
Тюменский государственный университет
otrofim@rambler.ru

Аннотация

В статье представлены отдельные результаты исследования одного из этапов формирования русской пунктуационной системы на материале скорописных документов 1762-1796 гг. из Государственного архива Тюменской области. Исследовательский корпус включает в себя как опубликованные автором в издательстве Тюменского университета деловые тексты, так и впервые вводимые в научный оборот.

В результате использования «грамматико-дипломатического», сравнительно-исторического методов и контент-анализа с применением методики количественных подсчетов, табличного и графического представления материалов и полученных данных выявлены тенденции в пунктуационном насыщении текстов, частично коррелирующие с жанром документа, однако в первую очередь связанные с оформлением границ начального протокола, смены текстовой модальности (от нарратива к императиву) в реквизите «Текст» в структуре абстрактного формуляра. Установлено, что во вторичных документах употребление знаков препинания в пределах реквизита «Текст» может быть связано с обозначением границ информации, вводимой в текст посредством отсылки к каждому новому субъекту речи, с указанием жанра (вида) первичного документа, а также отражением в тексте каждого нового этапа в деятельности канцелярии, обусловленной необходимостью разрешения актуальной административно и/или юридически значимой экстралингвистической ситуации.

Цитирование: Трофимова О. В. Знаки препинания в региональном деловом тексте второй половины XVIII века: к проблеме формирования русской пунктуационной системы / О. В. Трофимова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 78-100.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-78-100

Рассмотрены варианты пунктуационного оформления придаточных изъяснительных со скрепой *что* — грамматической конструкции, призванной вводить в текст косвенную речь другого адресанта и потому наиболее востребованной в структуре письменной деловой коммуникации.

Проведен формально-грамматический анализ сложных синтаксических конструкций, представляющих реквизит «Текст» в региональных документах 1773 и 1787 г., условно являющихся полярными по признаку пунктуационной грамотности субъекта письма.

Значительный объем анализируемого в статье текстового корпуса позволяет считать объективными полученные результаты и проецировать выводы на историю русской пунктуации, выходя за пределы регионального материала.

Ключевые слова

Пунктуация, история русского языка, принципы русской пунктуации, язык документа, скоропись, лингвистический анализ текста, XVIII век, грамматика, формуляр.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-78-100

Введение

Настоящая статья продолжает представление результатов исследования русской пунктуации второй половины XVIII в. (периода правления Екатерины II, 1762-1796 гг.) на материале скорописных тюменских документов, опубликованных в [15, 16]. Общая характеристика выявленной пунктуационной ситуации, а также выводы, вытекающие из формулярного аспекта изучения пунктуации в региональных распорядительных, просительных и докладных документах, наиболее частотных в архивных фондах, представлены в [17-19]. Авторские наблюдения за использованием знаков препинания в деловом тексте начального периода формирования русского литературного языка дополняют сведения о русской пунктуации в ее диахронии, известные из ставшей классической [1, 5-8, 20, 21-23] и из новейшей [24] научной литературы.

Материал исследования

Количественные характеристики материала исследования

Исследованию в количественном аспекте был подвергнут текстовый корпус, состоящий из 381 документа. Количество слов в одном документе — от 39 (ярлык солдату Вавилову и его жене о бытии их на исповеди от 5 апреля 1786 г. [15, с. 535]) до 4 944 (определение Тюменской воеводской канцелярии по делу о продаже заведомо воровской меди из Талицкого казенного завода от 14 ноября 1777 г. [15, с. 289-305]). Общий объем корпуса — 118 986 слов, средний размер текста — 312 слов.

Анализируемые документы примерно равноценно в количественном отношении представляют четыре десятилетия: от 89 текстов 1762-1769 гг.; 104 текстов 1770-1779 гг.; 113 текстов 1780-1789 гг. — до 75 документов 1790-1796 гг.

Почти каждый пятый документ корпуса не содержит знаков препинания (обозначим такие «беззнаковые» документы ЗП–): всего 71 текст, или 18,6%. В первое екатерининское десятилетие среди тюменских документов таковым был практически каждый третий документ (35,9%). Начиная со второго десятилетия доля подобных деловых текстов резко уменьшается (примерно в три раза), и эта ситуация сохраняется до конца исследуемого периода — до 1796 г. (12,5; 13,3 и 14,6%).

Объем текстов ЗП– варьируется в следующих пределах (приводя ниже аннотированные наименования документов, мы преследуем цель введения читателя в конситуацию исторической деловой коммуникации — в круг региональных проблем, решавшихся посредством документов различной жанровой принадлежности):

- от 60 (просьба присыльных Иванова, Лобанова и Киприянова о положении их в подушный оклад от 16 марта 1767 г. [15, с. 386-387]) до 1 010 слов (копия с определения Тюменской воеводской канцелярии о вызове желающих работать на дощаниках от 24 октября 1762 г. [15, с. 271-274]) в первое десятилетие;
- от 40 (расписка казака Алиса Миманова о подряде в караул от 5 июня 1771 г. [15, с. 438]) до 228 слов (промемория из Тюменской воеводской канцелярии в Тюменскую комендантскую канцелярию о подготовке ко вскрытию льда на реке Туре от 28 марта 1778 г. [15, с. 381-382]) — во второе;
- от 39 (ярлык солдату Вавилову и его жене о бытии их на исповеди от 5 апреля 1786 г.; [15, с. 535]) до 231 слова (лист о преступнике крестьянине Даниле Инечкине от 3 января 1786 г. [15, с. 205-206]) — в третье;
- от 55 (сообщение из Тобольского земского суда о поселщице Егоре Гончарове от 14 июня 1792 г. [15, с. 469-470]) до 480 слов (объявление мещанина Василия Кадошникова о драке в Сенном питейном доме и о краже у него лошади и саней от 24 января 1793 г. [15, с. 242-244]) — в последнее.

Наглядное представление об общей в исследуемом корпусе тенденции к уменьшению к концу XVIII в. верхней границы объема «беззнаковых» документов (при сохранении нижней границы) дает диаграмма на рис. 1, демонстрирующая и резкое изменение анализируемого параметра с 1770-х гг.

Таким образом, документ, не имеющий ни одного знака препинания, в исследуемом корпусе может содержать от 39 до 1 010 слов. Однако подобный объем текста, как свидетельствует знакомство с представленными в статье и прочими архивными материалами, не был коммуникативным препятствием для провинциальной деловой переписки и канцелярского делопроизводства XVIII в. Одной из причин этого, вероятно, можно предположить наличие у небольшого круга ролевых (в административной иерархии) субъектов (адресантов и адресатов) деловой коммуникации общих фоновых, экстралингвистических, затекстовых знаний о предметах речи, которым посвящены документы, их общее пребывание в единой конситуации.

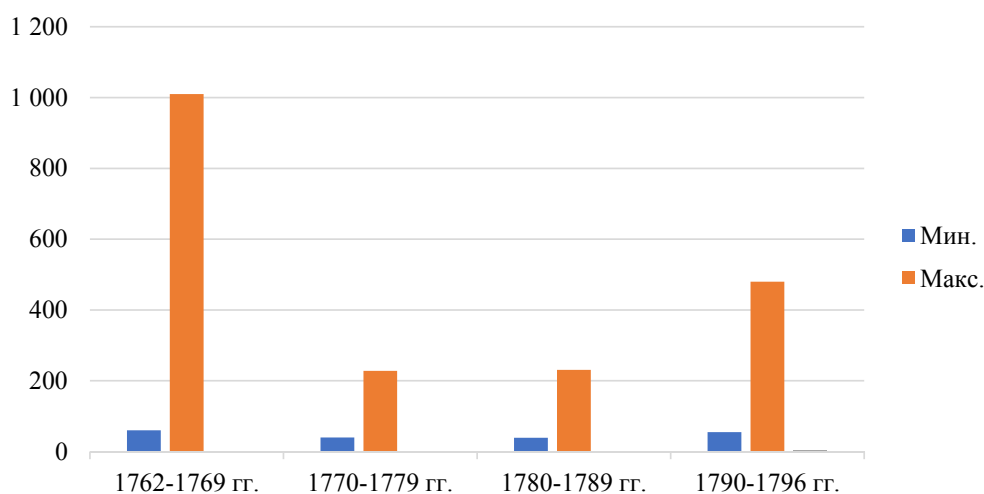

Рис. 1. Минимальный и максимальный объем документа ЗП– (количество слов в тексте)

Fig. 1. Minimum and maximum length of a document that does not contain punctuation marks

Текстовые иллюстрации и комментарий к ним

Приведем два примера текста ЗП–. Публикуемые ниже архивные документы (с указанием прямой чертой конца строки, двумя — абзацного членения), публикующиеся впервые, не были учтены при подсчетах выше.

Ордеръ || тюменско^а казацко^а команде || всходственность присланно^а ко^мне |
 јзтюменско^а воево^аско^а канцеляри | промеморіи для принуждения | стро-
 ющи^ася втюменско^а ведо^астве | казенны^а дощенико^а прапорному | Голенец-
 ко^{му} приказать явится | втюменской воеводской ка^ацеляриі Андрей Устьян-
 цо^а | октя^абря 7 дня | 1765 го^у [3, л. 1].

Данный документ, формуляр которого включает в себя последовательно реквизиты «Самоназвание» (N), «Адресат» (A), «Текст» (T = K + П, где K — казусная часть, П — прагматическая часть), «Подпись» (Ps) и «Дата», в синтаксическом отношении равный одному распространенному инфинитивному предложению с предикатом *приказать*, в сегодняшнем пунктуационном оформлении требует только финальной точки перед реквизитом «Подпись», исполненным рукой тюменского коменданта Андрея Устьянцова. Представляется, что в связи со своим небольшим объемом и порядком слов, соответствующим современной норме, текст воспринимается читателем достаточно легко.

Предваряя публикацию второго документа, начальный протокол которого демонстрирует последовательность реквизитов S — A — N, обратим внимание читателя на наше дополнительное «вмешательство» в реквизит «Текст» — включение знака * в начало каждой новой предикативной части, а также выделение полужирным кеглем скреп (сочинительных и подчинительных союзов, союзных слов) на границах предикативных частей.

Истюменскаго городского магистрата || тюменски^м городнически^м деламъ || сообщение || Сего 1787 года ноября 15 ^ч сообще^ние^м тюменско^н ниже^н земско^н | су^д требова^н присылке вооной | для допроса попроизводимому | следствию города Тюмени ме^шанской жены Мавры Карпавой | дочери Решетниковой здочерью | Татьяной ***оче^м** порезолюци^и | сего городского магистрата | того^ж 15 ^ч показанной мешанской | жены Решетниковой му^ж мещанинъ Андрей Григорьевъ Решетнико^в | призва^н ***ио^тнего** та ево жена | здочерью Татьяной требованы | внепродолжительно^м времени | налицо 4^а ***приче^м** оной Решетнико^в | скаскою показа^н ***что** той ево | жены Мавры Карпиной и дочери | Татьяны н^нъ придоме ево | Решетникова вгороде Тюмени | не^еметца ***игде** находятца ***неиз^весте^н** ***жителства** ани ^имели Тюменской округи заселом Покро^вски^м вселени^и ***авкако^м** ***незнаеть** | ***гдеж^ь** ^{ю^н} Андрей никогда небыва^н || ***Того ради** втюменскомъ | городово^м магистрате ОПРЕ^делено взнание втюменской | нижеи земском су^д со^бобщить ***с^ообщено** | стемъ ***что^б** благоволено было ***ежел^ь** сказанная | жена Мавра Карпова идочь ее | Татьяна потребны ***то^какъ** | попоказанию мужа ее Андрея | Решетникова ***что** оная ево жена | здочерью Татьяной напре^д сего | имели жителство засело^м Покро^вски^м вселени^и ***потому** и^х вТю^менской округе чрезь кого прина^длежить сыскивать ***аотаково^м** же | сыску вгороде Тюмени ^итюме^нски^м городнически^м дела^м со^бобщить | ***и** со^бщается ***очем^ь** оные городнические | дела иблаговолять учинить поуказо^м | ноября 17 дня 1787 года | *бургомистъ Степанъ Масловъ | ратманъ Матвеи Стукаловъ* | канцеляристъ Ява^н Головко^в [2, л. 833-834].

Сообщение 1787 г., записанное канцеляристом Иваном Головковым и собственноручно подписанное двумя представителями городской власти, для современного реципиента является коммуникативной проблемой. Попробуем преодолеть ее, рассмотрев формально-грамматическую структуру текста.

В грамматическом отношении текст представляет собой сложную синтаксическую конструкцию, состоящую из 21 (или 20) предикативной(ых) части(ей), грамматическую семантику которой можно представить в схематическом виде (используя квадратные скобки для предикативных частей, связанных сочинительной или бессоюзной связью и круглые — для придаточных частей) следующим образом (в двух вариантах):

[1] **о чем** (2) **и** [3] **причем** [4; *показал*] **что** (5) **и** [7; *неизвестен*] **где** (6) [8; *в селении*] **а** [10; *не знает*] **в каком** (9) **где ж** (11) **Того ради** [12 *с тем*] **и** [13] **чтоб** (14) **ежел^ь** (15) **то** [16] **как** (17) **что** (18) **потому** [16] **а** [19] **и** [20] **о чем** (21)

[1] **о чем** (2) **и** [3] **причем** [4; *показал*] **что** (5) **и** [7; *неизвестен*] **где** (6) [8; *в селении*] **а** [10; *не знает*] **в каком** (9) **где ж** (11) **Того ради** [12 *с тем*] **и** [13] **чтоб** (14) **ежел^ь** (15) **то** [16; *по показанию*] **что** (17) **а** [18] **и** [19] **о чем** (20)

Как состав скреп — шесть сочинительных союзов (*и, и, а, и, а, и*), пять подчинительных (*что, чтоб, ежел^ь, то, что*), семь союзных слов (*о чем, причем,*

где, в каком, где, того ради, о чем), так и семантика придаточных частей — четыре изъяснительных, три присоединительных, по одному определительному, целевому и условному (все — активно функционирующие в структуре современных русских текстов), затруднения не вызывают и способствуют достаточно комфортному восприятию содержания текста.

Дискуссионными представляются два взаимосвязанных момента (в частности, вследствие скорописной природы текста, в котором служебные слова писались слитно со знаменательными):

- 1) функция в союзном сочетании *токакь* второй его части, союза *как* — союза со значением логического обоснования (= *так как*) в структуре сложного предложения или вводного компонента со значением указания на источник информации. От решения вопроса и зависит количество предикативных частей. Однако в первом случае оказывается, что текст содержит следы грамматического переконструирования: грамматическая основа оказывается дефектной вследствие появления девербатива *показание: как показал муж → по показанию мужа*;
- 2) следовательно, в связи со слитным написанием *потому*, спорной является и морфологическая природа этого слова/словоформы: местоименного наречия *потому* в функции лексического конкретизатора причинно-следственных отношений при бессоюзной связи предикативных частей (при условии, что *как* — причинный союз и придаточные 17, 18 находятся в интерпозиции главной для них части 16) — или же указательного местоимения *по тому* <показанию> в функции согласованного определения — в этом случае союз *как* рассматриваем как показатель вводного словосочетания.

«Восстанавливая» в тексте (в результате пунктуационного эксперимента) знаки препинания, включаем в текст четыре запятые для оформления уточняющих членов предложения (<...> *ево, Решетникова, в городе* <...>; <...> *он, Андрей, никогда* <...>), 22 запятые на границах предикативных частей и две точки: в конце казусной части пред скрепой *Того ради*, начинающей прагматическую часть, знаком некоторой автономности которой в оригинале является употребление прописной буквы и неполная запись на предыдущей строке текста, что можно воспринять как аналог абзачного членения текста. Вероятно, эти знаки препинания могли бы значительно облегчить для «чужого» реципиента восприятие содержания как этого, так и подобных ему документов. Но документ как экстралингвистический феномен изначально не предполагает вторжения в него «чужого», являясь «кодом связи» между своими, «посвященными», взаимодействующими в соответствии с установленными традициями, нормами и правилами.

Методы исследования

Таким образом, перед исследователем («чужим») встает вопрос выявления норм и правил, обеспечивающих корректное прочтение текста и, следовательно, раскрытие когнитивного потенциала скорописного документа. К таковым в теории источниковедения, традиционным предметом изучения которого является именно

письменный текст, относится, в частности, понятие абстрактного и конкретного формуляра и устойчивых клаузул в формуляре документа определенного вида [4, с. 257]. Однако лингвистический взгляд на письменную природу делового текста актуализирует дискурсивную проблему специфики коммуникантов, взаимодействующих в административно-правовом поле: во-первых, адресанта документа, который, как правило, «складывается» из субъекта устной речи и субъекта письма; во-вторых, адресата документа, способного извлекать из текста необходимую для него информацию, опираясь как на собственные пресуппозиции, так и на знаки текста, в том числе пунктуационные (хотя, как показывает приведенное выше «беззнаковое» сообщение 1787 г., эффект деловой коммуникации мог быть достигнут и без их «помощи»). Следовательно, для исследователя значимой (хотя бы в перспективе) может быть характеристика коммуникантов по их отношению к смыслам, передаваемым посредством знаков препинания, т. е. пунктуационная выучка, или по их участию в формировании пунктуационной ситуации, под которой понимается «совокупность определенных условий, складывающихся в данном контексте письменной речи и стимулирующих или требующих применения определенных пунктуационных средств» [10, с. 6].

Впрочем, исходя из сложившейся к XVIII в. практики обучения провинциальных канцелярских служителей письму посредством переписывания (копирования) существовавших уже документов, как правило, «дефектных» (с современной точки зрения) в пунктуационном отношении, становление — для каждого субъекта письма — личной пунктуационной системы оказывалось длительным процессом.

Таким образом, пунктуационная проблематика оказывается связанной с такой, по выражению Ю. В. Рождественского, «центральной семиотической проблемой», как сложные, исторически изменчивые «отношения между письменной и устной речью» [12, с. 310], не существующие без участия в них субъекта, для которого «членение письменного текста» *не/не обязательно* (выделено нами — О. Т.) предполагает «устное воплощение данного текста до, во время или после процесса письма» [10, с. 6]. Для «обобщенного» же субъекта письменной речи XVIII в. на протяжении всего века всё более актуальной становится проблема раздельного написания служебных и знаменательных слов, т. е. проблема пробела — «одного из исходных понятий при функциональном аспекте анализа пунктуации» [10, с. 6]. По словам А. Б. Пеньковского и Б. С. Шварцкопфа, «пунктуационный знак накладывается на пробел; в связи с этим историю русской пунктуации можно было бы представить как историю выделения и последовательного заполнения пунктуационно значимых пробелов» [10, с. 7].

Пример «грамматически прозрачного» тюменского сообщения 1787 г. может быть «исходной» иллюстрацией для тезиса Т. М. Николаевой о том, что в современной письменной речи «о подлинной функциональной сущности пунктуационных знаков можно говорить лишь на фоне определенным образом структурированного лексико-грамматического состава предложения. Иерархия при этом такова, что определенные (маркированные) союзы оказываются сильнее поставленного пунктуационного знака, сильнее которого оказывается также и маркированный

лексический состав» [9, с. 32]. В тюменском тексте маркированными (семантическими) являются целевой и условный союзы, на уровне же лексического состава предикативных единиц — лексика (глаголы, прилагательное и девербатив *показал, не знает, неизвестен, по показанию*) со значением интеллектуальной деятельности, вводящая во вторичный авторский текст первичную чужую речь других субъектов и коррелирующая с жанром документа *сообщение*. Таким образом, для субъекта письма все пунктуационные знаки оказались избыточными (в том числе не имеющими коммуникативной значимости). В отношении же «денотативной значимости» потенциальной пунктуации следует сказать, что в тексте нет «активной арены действия для пунктуационных знаков» [9, с. 32], т. е. предложений с немаркированными союзами и таким же лексическим составом.

Исходя из вышесказанного, цель настоящего (ретроспективного, исходя из современной пунктуационной системы) исследования русской пунктуации мы видим в рассмотрении этой «активной арены действия», т. е. в изучении условий постановки/непостановки знака препинания (иначе, обнаруживающего в исторической перспективе перехода от факультативности к нормативности знака), с учетом формально-грамматического, семантического, жанрового и формулярного аспектов анализа документного текста.

Исследование проведено в рамках корпусной лингвистики с элементами когнитивной лингвистики, с использованием сравнительно-исторического метода и контент-анализа. Специфика материала исследования предполагает использование грамматико-дипломатического метода, в основе которого — формулярный анализ документа, рассматриваемого как последовательности реквизитов [4, с. 259]. Представленные в статье результаты получены благодаря методике количественных подсчетов, экспериментальным исследованиям и презентованы в трех таблицах и четырех диаграммах.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Набор знаков препинания и их частотность

В результате анализа опубликованных документов определено, что в арсенале тюменских субъектов письма екатерининской эпохи было 11 знаков препинания (а также — в редких случаях — пропуск строки и абзацное членение текста, сопровождаемое цифровой нумерацией с использованием одинарной круглой скобки, двойных круглых скобок, одинарных или двойных кавычек или точки после арабской цифры).

Самый частотный знак — запятая, на долю которой приходится около 58% всех знаков в исследуемом корпусе; далее — по убывающей — двоеточие (около 17%), точка с запятой (14,4%) и срока в разных вариантах (:|), (.|) и (|.), всего 8,6%. На финальные точку, вопросительный и восклицательный знак приходится всего около 2% пунктуационных знаков корпуса [19]. Кроме указанных девяти одинарных знаков, фиксируем в 11 документах — парные квадратные скобки (чаще как знак правки, вычеркивания текста, реже — вставной конструкции), в трех — фигурные скобки (как знак вставки), например:

<...> о҃ ЕГО | ПРЕОЩЕНСТВА генераль маіоръ лейбъ | гвардіи примеръ
маіору сибирскому губер|натору ковалеру г҃дну Чичерину [о҃ его | превос-
ходительства] къ ЕГО ПРЕОЩЕНЬСТВУ <...> [15, с. 370].

Документы, имеющие знаки препинания, содержат их, как и ожидается, в разном количестве. Подсчеты свидетельствуют, что в среднем в екатерининскую эпоху из проанализированных сибирских документов ЗП+ 17,1% имеют только один (любой) знак препинания, хотя в 1762-1769 гг. таких документов было в два раза больше. При этом по такому количественному параметру текста, как количество слов, которое «держится» одним знаком препинания, на протяжении 34 лет наблюдается общая тенденция к уменьшению максимального объема текста, что демонстрирует диаграмма на рис. 2.

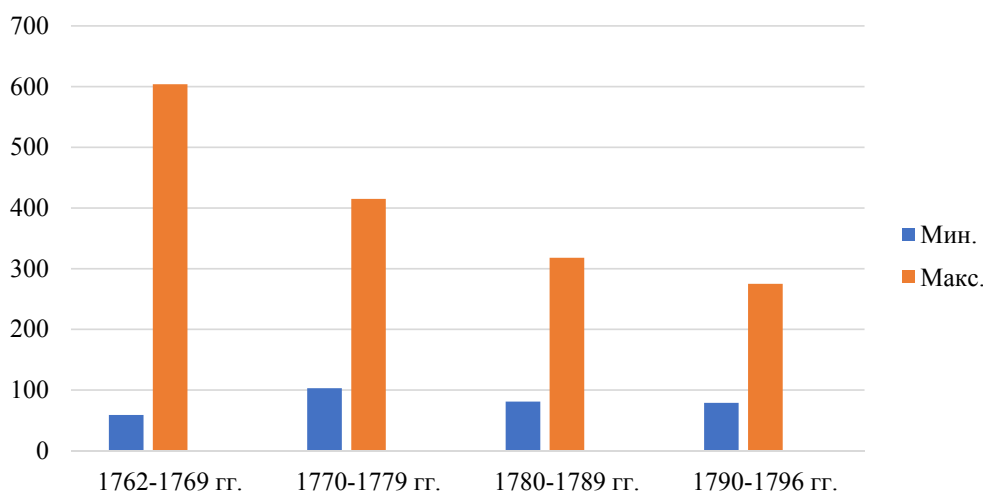

Рис. 2. Минимальный и максимальный объем документа ЗП+ (количество слов в тексте) с одним знаком препинания

Fig. 2. Minimum and maximum size of a document without punctuation marks + (number of words in the text) with one punctuation mark

В документах корпуса, имеющих только один знак препинания, в 1762-1769 гг. преобладает двоеточие, в 1770-1779 гг. — двоеточие и запятая, в последующем — запятая. При этом в тексте, содержащем только запятые, их могло быть (по десятилетиям) до 20/22 /26 /18 знаков (что свидетельствует о полифункциональности запятой), в то время как двоеточий (как единственного типа знака) в тексте могло быть до шести, прочих знаков, как правило, один-два. Доля «монотекстов», т. е. документов, в пунктуационном оформлении которых используется только один тип знака, к концу исследуемого 34-летнего этапа уменьшается почти в полтора раза: с 57,4 до 39,1% (хотя в 1770-1789 гг. «монотекстом» был примерно каждый четвертый документ). Иначе говоря, мы наблюдаем тенденцию к расширению набора (до пяти разных) знаков препинания в одном сибирском деловом тексте — в разной их сочетаемости — к концу XVIII в. (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение знаков препинания
в документах ЗП+

Table 1

Distribution of punctuation marks
in documents punctuation mark +

Период	Количество документов										
	В документе набор, состоящий из ... знаков										
	одного (только данный знак)							разных			
	,	:	:	;	.	.	всего текстов	2	3	4	5
1762-1769 гг.	5	13	6	5	1	1	31 (57,4%)	12	8	3	—
1770-1779 гг.	9	9	5	2	—	—	25 (28,1%)	32	21	9	2
1780-1789 гг.	14	7	3	3	—	—	27 (26,5%)	34	25	9	3
1790-1796 гг.	19	1	3	2	—	—	25 (39,1%)	26	9	3	1
В корпусе	47	30	17	12	1	1	108 (35,4%)	104	63	24	6

Общее количественное представление о пунктуационной ситуации в региональном (тюменском) деловом тексте второй половины XVIII в. по материалам исследуемой базы данных можно получить из диаграммы на рис. 3.

Главный вывод, который позволяет сделать диаграмма на рис. 3, заключается в том, что екатерининскую эпоху в истории русской пунктуации (по крайней мере на ограниченном корпусном материале) можно разделить на три периода: «относительно беззнаковое» начало (1762-1769 гг.), «многозначную» середину (1770-1789 гг.) и «стремящийся к минимализму» конец эпохи (1790-1796 гг.).

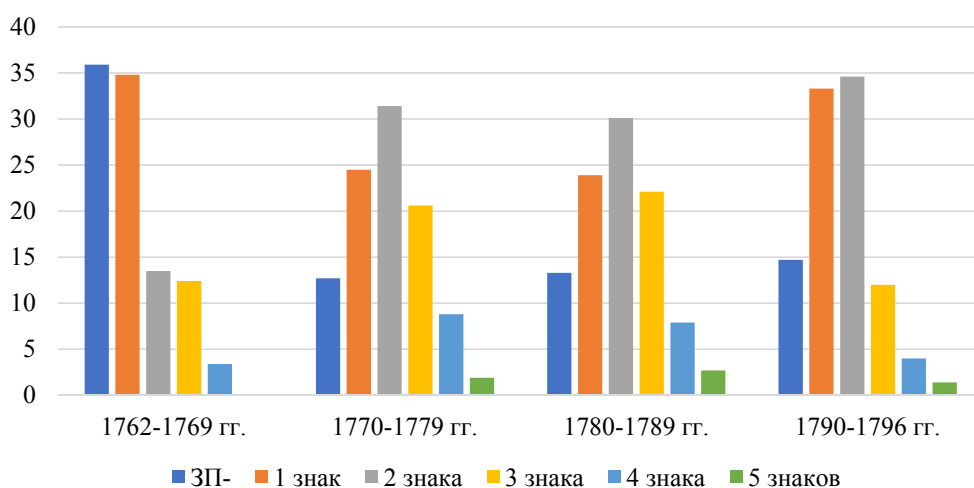

Рис. 3. Доли документов с различным количеством знаков препинания

Fig. 3. Fractions of documents with different numbers of punctuation marks

Обратим внимание, что документы, в которых использован набор из четырех-пяти разных знаков, составляют в среднем 9,9% текстов (от 5,5 до 12,4%). В подавляющем большинстве это вторичные документы, составленные на основании входящей документации, — выписки, наставления, определения, сообщения, хотя встречаются и записи устной речи в виде единичных допросов, просьб, челобитных, что позволяет поставить вопрос скорее о пунктуационной выучке писца, чем о жанровой корреляции.

Таким образом, материалы таблицы 1, представленные также тремя диаграммами на рис. 1-3, в общем коррелируют с данными в [18, 19], позволяя назвать начало екатерининской эпохи по тюменским документам периодом двоеточия, а конец — периодом запятой. Точка как предикативный знак препинания продолжает во всем корпусе оставаться невостребованной.

Эти обобщенные по десятилетиям показатели, конечно же, демонстрируют только направление развития пунктуационной картины русского делового текста и нуждаются в проверке с учетом жанровых характеристик делового текста.

2. Анализ пунктуации документов в жанровом аспекте

Наблюдения показывают, что признак «беззнаковости» документа (ЗП–) в большинстве случаев по-разному соотносится с его жанровой (видовой) характеристикой [19]. При этом достаточно жесткую корреляцию обнаруживают только купчие крепости, в которых — в пяти из семи опубликованных (документы 1764-1792 гг.) в [15] — отсутствуют знаки препинания. Тексты других жанров (аттестат, выбор, ярлык) с общим для всех них признаком (ЗП–) представлены в корпусе единичными примерами, в связи с чем мы исключаем их из сферы исследования.

Купчие крепости являют собой предельно формализованный жанр, с постоянным набором клаузул в их жесткой последовательности, достаточно стабильным лексическим составом и набором синтаксических конструкций. Переменными составляющими в них являются имена собственные и количественные параметры, занимающие в тексте небольшой объем, при этом коммуникантам заранее известно, в каком месте документа и в какой форме они должны быть представлены. Составлением купчих занимались исключительно профессиональные писцы (подьячие и копиисты) — в отличие от возможных непрофессиональных субъектов письма в таких документах, как выбор, сообщение, подписка. Все анализируемые купчие записаны в журнале, т. е. являются записками (равнозначными копиями) по отношению к документам, которые были получены на руки, что показывает, в частности, реквизит «Подпись»:

<...> К сей запи^ккъ вместо Анны Гу^ревой сынъ бо^ярской Петр^ь Дворя^нской про^бою ея руку приложилъ | а по^линную крепость к себ^ь взяла того^ж числа [15, с. 196];

<...> К сей запи^кке тюменской поса^нской | Стефан^ь Стукалов^ь руку приложи^л а по^лин^ную крепо^сть к себе взя^л того^ж чи^сла [15, с. 198].

Таким образом, только две купчие крепости из семи относятся к документам ЗП+. В одной из них фиксируем два двоеточия, которыми разграничены композиционные блоки: 1) собственно текстовая часть документа и блок подписей (контрагентов заключенного договора и присутствовавших свидетелей); 2) блок подписей и блок помет о пошлинах, т. е. текстовые фрагменты, принадлежащие разным — в том числе по их правому функционалу — субъектам речи. В купчей 1792 г. сохраняется тот же принцип: срока :| разграничивает композиционные блоки формуляра, но внутри текста, записанного первым атрибутированным почерком (И. Сухорева), знаков препинания нет. Этот документ позволяет поставить вопрос об индивидуальной пунктуационной выучке писца: сведения о пошлинах записаны вторым атрибутированным почерком (С. Пуртова), и здесь запятыми сопровождаются почти все однородные члены предложения и означает граница последней предикативной части:

<...> Сию купчую крепость писалъ Тюменской | нижеи расправы канцеляри^{ст} и крепостны^х дель | писецъ Иванъ Сухоревъ запрещенія нетъ а что сверху п^рво^а страницы между пя^на^цатои и шес^на^цатои строками написано улица тому верить | 1792го года июня 18го дня сия купчая | крепость в Тюменской нижней расправе | явлена и въ книгу записана пошлин^а | по пяти копеекъ с рубля четыре | рубли, о^т писма пятнатца^т о^т запис^ки пятнатца^т, за переходныя страницы тритцать, за восьми^{гривенной} листъ сем^десять копее^к | итого пять рублей тритцать | копеекъ, принялъ и сове^ршилъ | на^т смотръщикъ канцеляристъ Спиридонъ Пу^ртовъ [15, с. 203].

Материалы, позволяющие более детально проследить соотношение жанровой (видовой) природы и пунктуационной картины делового текста, приведены в таблице 2. В нее включены сведения о документах 13 жанров, представленных в корпусе десятью и более текстами. Жанровые разновидности (ЖР) документов рассмотрим в соответствии с их прагматической направленностью:

- 1) распорядительные и рекомендательные:
 - а) адресованные внешнему адресату с категорическим (ордер, указ) или смягченным (предложение) волеизъявлением,
 - б) внутриканцелярские документы (копия с журнала, определение);
- 2) просительные (доношение, челобитная);
- 3) докладные:
 - а) межканцелярские (промемория),
 - б) служебные (рапорт),
 - в) «свободные» (объявление, подписка, сообщение, допрос).

Некоторые выводы, которые можно сформулировать по материалам таблицы 2:

- 1) в группу документов, отличающихся максимальным объемом текста, который «держится» одним (любым) знаком препинания, входят в первую очередь подписки (как правило, составленные и записанные «на местах» представителями местного населения, т. е. непрофессиональными субъектами

Таблица 2

Употребление знаков препинания
в документах разных жанров

Table 2

Use of punctuation marks
in documents of different genres

ЖР	Жанр (всего текстов), гг.	Тексты ЗП— (%)	Знаков во всей жанровой совокупности (%)							В среднем слов на знак
			,	:	;!	;	.	.	всего	
1а	ордер (10), 1766-1777	—	42,8	37,6	2,3	10,5	5,3	1,5	100	11,74
	указ (18), 1762-1796	5,6	78,2	2,4	5,6	12,2	1,6	—	100	38,2
	предложение (10), 1765-1790	—	85,4	2,1	5,2	4,2	2,1	1	100	22,93
1б	копия с журнала (18), 1762-1786	16,7	23,1	59,6	15,5	—	0,9	0,9	100	75,08
	определение (20), 1762-1787	20	54,1	21,4	3,2	16,4	4,9	—	100	55,11
2	доношение (26), 1762-1796	26,9	65,1	14,8	3,8	13,4	2,4	0,5	100	42,16
	челобитная (11), 1762-1796	27,3	42,3	32,7	21,2	3,8	—	—	100	69,33
3а	промемория (15), 1762-1780	20	64,4	9,6	8,6	13,6	2,9	0,9	100	34,85
3б	рапорт (26), 1763-1796	26,9	68,5	17,7	5,7	7,3	—	0,8	100	34,56
3в	объявление (28), 1763-1793	10,7	54,3	15	11,4	18,6	—	0,7	100	51,02
	подписка (12), 1766-1795	25	70,7	5,8	5,8	11,9	—	5,8	100	79,94
	сообщение (21), 1768-1796	14,3	78,7	5,5	9,4	—	4,6	1,8	100	36,01
	допрос (17), 1763-1796	11,8	71,2	12,8	1,8	13,2	—	1	100	50,95

- письма), затем копии с журнала (субъект письма в которых — всегда канцелярист) и челобитные (из 11 челобитных девять записаны действующими и отставными канцелярскими копиистами). Документы этих же жанров относятся к текстам с максимальными показателями признака ЗП–;
- 2) больше всего текстов ЗП– среди просительных документов, что можно объяснить, с одной стороны, непрофессионализмом субъекта письма — подчиненного должностного лица — при создании им доношений; с другой — узаконенным формуляром челобитных [11, с. 6-8], которые писались, как правило, канцелярскими служащими (две «беззнаковые» челобитные из корпуса записаны копиистами, одна — казачьим сотником); в челобитных (как и в купчих крепостях) повторяется — из одного документа в другой — значительная часть клаузул. Таким образом, наличие жесткого формуляра могло выступать причиной «ненужности» пунктуационного оформления документа, в том числе для профессиональных писцов;
 - 3) причиной отсутствия знаков препинания в распорядительных и докладных документах могли выступать дискурсивые особенности деловой коммуникации. Так, каждая пятая промемория (являющаяся разновидностью внутриканцелярских вторичных документов, не имеющих ни внутренних, ни внешних адресатов) относится к текстам ЗП–;
 - 4) самыми пунктуационно насыщенными оказались распорядительные документы от персонифицированных адресантов — представителей высшей власти (губернатора, обер-коменданта и др.): в среднем один знак «удерживает» в ордере 11,74 слова и в предложении 22,93 слова. Указ как жанровая разновидность распорядительных документов (часто имеющих коллективного адресанта, например, воеводскую или комендантскую канцелярию) характеризуется, хоть и незначительным в сравнении с документами иной прагматической направленности, наличием текстов (ЗП–);
 - 5) только в копии с журнала самым частотным (почти 60%) и полифункциональным является двоеточие; в остальных — запятая. При этом в документах четырех жанров (указ, предложение, сообщение, допрос) на запятую приходится более 70% всех занятых знаком пробелов, что также может свидетельствовать о полифункциональности знака;
 - 6) о неслучайности точки как значимого знака препинания можно говорить на материале документов трех жанров: ордера, определения — выражающих волеизъявление персонифицированной и коллегиальной власти, а также такого относительно свободного в клаузальном и субъектном отношении жанра, как сообщение.

3. Отдельные результаты исследования в грамматическом аспекте

Приняв за точку отсчета «беззнаковый» текст сообщения 1787 г., записанного И. Головковым, проследим по корпусу частотность использования знаков препинания в грамматически значимых в предложении (тексте) местах перед следующими скрепами:

- 1) перед местоимением — союзным словом *о чем* — при введении придаточного присоединительного;
- 2) перед союзом / союзным словом *что (што)* — при введении в текст придаточных изъяснительных;
- 3) перед целевым союзом *чтоб (штоб), чтобы*;
- 4) перед условным союзом *ежели, ежели*;
- 5) перед местоименным наречием — союзным словом *где*;
- 6) перед местоименной скрепой *того (тово, чего) ради*.

Результаты исследования по трем из перечисленных позиций (1, 2, 6), предполагающие от четырех до шести вариантов, представим в диаграмме на рис. 4 «Функционирование знаков препинания в отдельных пунктуационных позициях». По остальным — возможны два варианта: преобладающий — без знака препинания (*чтоб* — 97,2%, *ежели* — 96,8%, *ежели* — 100%, *где* — 98,2%), с запятой — единичные случаи (*чтоб* — 2,8%, *ежели* — 3,2%, *где* — 1,8%).

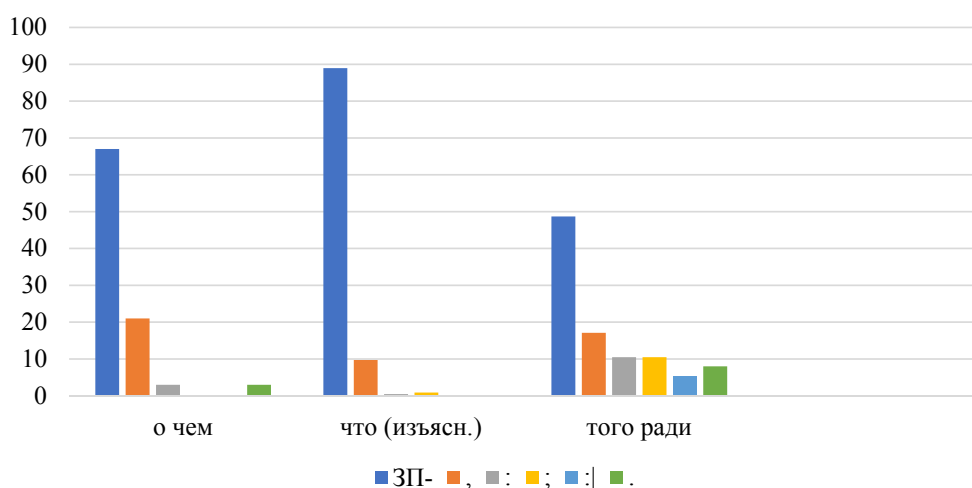

Рис. 4. Функционирование знаков препинания в отдельных пунктуационных позициях

Fig. 4. Functioning of punctuation marks in individual punctuation positions

Как видно из диаграммы на рис. 4, придаточные изъяснительные со скрепой *что* (которые так же, как и придаточные с рассмотренными выше скрепами, входят в состав реквизита «Текст» и, таким образом, не принимают участия в структурировании формуляра документа) чаще всего (88,95%) не имеют знака препинания перед союзом (или союзным словом), однако в корпусе есть неединичные примеры употребления на границе главной и придаточной части запятой (9,7%) и единичные — двух других знаков: точки с запятой и двоеточия (0,9 и 0,45%, при этом при разграничении их, по причине не вполне четкого написания, возможно, допущена неточность).

Скрепки *того ради* и *о чем* реализуют в документе функцию разграничения элементов формуляра и вводят в текст прагматическую часть, в которой меняется субъект речи и волеизъявления. Как показали наши наблюдения [18], для пунктуационного оформления региональных документов второй половины XVIII в. именно формулярный принцип следует считать ведущим. Это положение коррелирует с количественными и качественными (о «репертуаре» знаков) данными, представленными в диаграмме на рис. 4. Отметим также, что в оригиналах документов, независимо от пунктуационного (в том числе абзацного) выделения, скрепа *того ради* [14] часто пишется — вся или только первое слово в ней — прописными буквами, что сразу зрительно ее выделяет и позволяет легче ориентироваться в формуляре, структуре и, соответственно, в содержании документа.

В продолжение начатого в предыдущих статьях исследования рассмотрим обусловленность использования знаков препинания внутри реквизита «Текст», а именно в структуре казусной части, в которой, как правило, цитируются первичные документы и приводятся прецедентные ситуации, на основании которых в прагматической части формулируется волеизъявление адресанта документа. В частности, понаблюдаем, как функционируют знаки препинания в доношении от 20 марта 1773 г. [15, с. 79-81], записанном копиистом Семеном Седаковым (для удобства читателя при табличном варианте (таблица 3) публикации отделим

Таблица 3

Покорнейшее доношение из Ялutorовского духовного правления по делу священника Федора Зудилова и дьячка Луки Попова. 20 марта 1773 г.

Table 3

Submissive report from the Yalutorovsk spiritual government in the case of the priest Fyodor Zudilov and the deacon Luka Popov. 20 March 1773

Реквизит	Количество в документе							
	слов	знаков всего				употреблений		
		есть	должно быть	из них совпадает по		,	:	;
		месту	функции					
	411	16	46	11	8	10	2	4
A	Великому гдну преосщеннѣйшему Варлааму епіпу Tobолскому ѣ Сибирскому							
S	јзъ Ялutorовскаго дховнаго правленія							
N	покорнѣйшее доношеніе,							
K: 1	Прошлаго 1772» года августа 10» дня <...> оґ сщенника Феодора Зудилова и дьячка Луки Попова доношениемъ объявлено;							
2	что ево Зудилова <...> крестьянинъ Ананья Фалковъ напа ⁿ нагло обидиль ево Зудилова, и руга ⁿ и засѣчь хотѣль косою:							
3	в чемъ он Зудиловъ в обидѣ и просиль <...> капитана Дмитрія Смо ⁿ янинова							

Окончание таблицы 3

Table 3 (end)

4, 5, 6	точію <...> Смо ^я яниновъ ему удовольствія не учинилъ да и еще ^ж де тотъ Смо ^я яниновъ приказыва ^т поимать и ^х сщщенно и церковнослужителии лошади на кои ^х ѿ возили городовые бревна:
1	и о прочемъ,
7, 8	почему из ^ъ здѣшняго дѣховнаго правления въ Ялуторовскую канцелярію промеморію с приложениемъ с поданного о ^т сщщенника Зудилова доношения копіи сообщено было, и требовано на то удово ^л ствія ѿ оборонения тому сщщеннику Зудилову <i>і</i> означенному дьячку Лукѣ Попову по законамъ,
9	точію и поинѣ
10	во оной канцеляріи что на оное учинено ль
9	дѣховное правление неизвѣстно;
11	а потомъ тотъ капитанъ Смо ^я яниновъ <...> присла ^т оной же Белозерской слободы Алеѣвской церкви дьячка Луку Попова в закованны ^х колоткахъ яко ^б во уносѣ <...> воровски рукавицъ на по ^л вода ^х под карауломъ
12	которой дьячекъ Поповъ изъ оной канцеляріи присла ^т в дѣховное правленіе при промеморіи к слѣдствию
13	ѿ требовано оною
14	когда тотъ дьячокъ в воровствѣ доказа ^т будетъ
13	учинить с нимъ по законамъ <...>
15	а означенной дьячокъ Поповъ во всемъ показуемомъ допрашиванъ
16	а в допросѣ
17	яко^б онъ укра ^т у него Шмакова рукавицы
16	не признался
18	чего ради во оную канцелярію промеморію было ^ж сообщено
19	и требовано <...> крестьянина Шмакова прислать в дѣховное правление, при депутатѣ;
20	точію оная канцелярія и поинѣ <...> доказателей и депутата не присылаетъ
21	и за таковою неприсылкою помянутой дьячекъ
22	яко болѣе слѣдовать ево нечемъ
21	из дѣховнаго правления и о ^т пуше ^т в домъ свой;
П: 23	ТОГО ради о ^б ономъ Вашему Преосщщенству премилосердому архипастырю Ялуторовское дѣховное правление по ^л инные о ^т сщщенника Зудилова доношение, и произвѣденной о дьячкѣ Лукѣ Поповѣ допросъ при семъ покорнѣишемъ доношеніи на <...> благоразсмотрение <...> представляетъ
S _p	Вашего Преосвяще ^н ства всенижайшии ра ^б протопо ^н Пе ^т ръ Флоро ^в скіи Копіистъ Семѣ ^н Седако ^в
D	Марта, 14, дня 1773 года

служебные слова от знаменательных, полужирным кеглем выделим скрепы предикативных частей, укажем их номера и реквизиты формуляра).

Данный документ интересен в том отношении, что он, во-первых, отличается насыщенностью знаками препинания (в тексте, состоящем из 411 слов, их 16): если, по данным таблицы 2, в документах жанра доношение в среднем один знак препинания «держит» 42,16 слова, то показатель в этом тексте — один из самых низких в своей группе, а именно 25,69 слова. Эксперимент по подстановке требуемых сегодняшними пунктуационными правилами знаков препинания показал, что в документе присутствует 36% от необходимых знаков, при этом имеющиеся знаки в половине случаев корректны и по месту, и по функции.

Во-вторых, на материале этого текста можно говорить о «репертуаре» знаков препинания — в нем 10 запятых, два двоеточия и четыре точки с запятой, при этом (в формулярном аспекте) знаками отмечены конец начального протокола и граница казусной и прагматической части реквизита «Текст». Анализ текста приводит к выводу, что точка с запятой в документе последовательно разделяет содержательные блоки, организованные отношением к входящей информации и соответствующим первичным документам:

- 1а) доношение Ф. Зудилова и Л. Попова (К: 1) → пересказ его содержания (казусная (2) и прагматическая (3) информация) → пересказ последующих событий с теми же участниками (6);
- 1б) *почему* → промемория из духовного правления в Ялуторовскую канцелярию с копией первичного доношения (казусная информация; 7) и требованием (прагматическая; 8);
- 1в) отсутствие в канцелярии реакции на требование промемории (9, 10) — точка с запятой в оригинале;
- 2а) факт присылки Л. Попова в Ялуторовскую канцелярию (казусная информация; 11) → промемория из канцелярии в духовное правление с требованием (прагматическая информация; 12-14);
- 2б) реакция в духовном правлении на событие и промеморию (15-17) → промемория в канцелярию (18) с требованием (прагматическая информация; 19) — точка с запятой в оригинале;
- 2в) отсутствие в канцелярии реакции на требование промемории (20) → вынужденное действие духовного правления (21, 22) — точка с запятой в оригинале;
- 3) конец казусной части документа → (П: 23) действие адресанта → доношение с просьбой о решении адресата.

Таким образом, знаки препинания внутри реквизита «Текст» способствуют дифференциации различных субъектов, имеющих к ним отношение документов и членению каждого из этих документов по модальному основанию (нарратив констатации в казусной части — модальность категорического или смягченного волеизъявления, направленного на предполагаемое/ожидаемое/требуемое в будущем событие, в прагматической).

Заключение

Представленное исследование реальной и потенциальной «арены действия» знаков препинания в корпусе тюменских скорописных деловых текстов второй половины XVIII в. позволило:

- во-первых, подтвердить на новом материале сформулированные нами ранее выводы о преимущественном использовании пунктуационных знаков на границах реквизитов внутри формуляра документа при смене текстовой информации, принадлежащей разным субъектам речи;
- во-вторых, проследить на региональном материале динамику пунктуационной насыщенности документов на протяжении 34-летнего екатерининского периода в истории России;
- в-третьих, исходя из вариативности пунктуационного оформления текстовых фрагментов единой грамматической природы констатировать процесс «поиска» знаками препинания собственной функции при формировании связного текста;
- в-четвертых, выдвинуть гипотезу о дискурсивной обусловленности деловой коммуникации посредством «беззнаковых» документов в связи с ограниченностью круга «посвященных» субъектов устной речи и письма, имеющих общие пресуппозиции;
- в-пятых, подтвердить на историческом материале тезис исследователей о незначительности роли знака препинания для корректного восприятия текстовой информации в структуре синтаксической единицы с маркированными (семантическими) союзами и союзными словами, а также с маркированным лексико-грамматическим составом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валгина Н. С. Русская пунктуация: принципы и назначение / Н. С. Валгина. Москва: Просвещение, 1979. 125 с.
2. ГБУТО ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 191.
3. ГБУТО ГАТО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 86.
4. Данилевский Н. И. и др. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / Н. И. Данилевский и др. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 702 с.
5. Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 томах. Том 1 / В. М. Живов. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 816 с.
6. Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма / Л. Р. Зиндер. Ленинград: Наука, 1987. 112 с.
7. Иванова В. Ф. История и принципы русской пунктуации / В. Ф. Иванова. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1962. 64 с.
8. Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Е. А. Кузьминова, М. Л. Ремнёва. Москва: Издательство МГУ, 2000. 528 с.

9. Николаева Т. М. О функциях пунктуационных знаков в русском языке / Т. М. Николаева // Современная русская пунктуация. Москва: Наука, 1979. С. 26-35.
10. Пеньковский А. Б. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы / А. Б. Пеньковский, Б. С. Шварцкопф // Современная русская пунктуация. Москва: Наука, 1979. С. 5-25.
11. Полное собрание законов Российской Империи, съ 1649 года. Томъ XVI. Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1830. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=69 (дата обращения: 07.06.2021).
12. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию / Ю. В. Рождественский. Москва: Высшая школа, 1990. 381 с.
13. Российская грамматика Михаила Ломоносова. Печатана в Санкт-Петербурге. При Императорской академии наук 1755 года. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book192769/#page/60/mode/1up> (дата обращения 12.05.2021).
14. Трофимова О. В. Того ради и другие союзные средства выражения цели в документах разных жанров (на материале тюменской деловой письменности последней трети XVIII в.) / О. В. Трофимова // Вестник Тюменского государственного университета. 2000. № 4. С. 45-60.
15. Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762-1796 гг.: Книга 2. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области / О. В. Трофимова. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2002. 828 с.
16. Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762-1796 гг.: Книга 3. Тюменские рукописные деловые тексты 1762-1796 гг. в аспектах лингвистики и документоведения: лингвистический анализ текста / О. В. Трофимова. Тюмень: Вектор Бук, 2002. 232 с.
17. Трофимова О. В. Русский документ XVIII века: пунктуация рукописного оригинала и его транслитерированной публикации / О. В. Трофимова // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica VII. Folia 179*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe UP, 2014. С. 57-71.
18. Трофимова О. В. Исследование пунктуации русского документа в формулярном аспекте (на материале тюменских деловых текстов последней трети XVIII века) / О. В. Трофимова // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск: Томский государственный университет, 2021. № 70. С. 137-165.
19. Трофимова О. В. Особенности пунктуации рукописных деловых текстов (на материале тюменских архивных документов 1762-1796 гг.) / О. В. Трофимова // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 7: Русская пунктуация в коммуникативном аспекте. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2021. С. 59-71.
20. Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке / Б. А. Успенский. Москва: Наука, 1975. 230 с.
21. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации / А. Б. Шапиро. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. 398 с.
22. Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка / Н. Л. Шубина. Москва: Академия, 2006. 256 с.
23. Щерба Л. В. Теория русского письма / Л. В. Щерба. Ленинград: Наука, 1983. 134 с.
24. Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 7: Русская пунктуация в коммуникативном аспекте. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2021. 311 с.

Olga V. TROFIMOVA¹

UDC 811.161.1'42

**PUNCTUATION MARKS IN THE REGIONAL BUSINESS TEXT
OF THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY:
ON THE PROBLEM OF THE FORMATION
OF THE RUSSIAN PUNCTUATION SYSTEM**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian Language and General Linguistics,
University of Tyumen
otrofim@rambler.ru

Abstract

The article presents some results of the study of one of the stages of the formation of the Russian punctuation system. The research material is a corpus of handwritten documents of 1762-1796 from the State Archive of the Tyumen region. The research corpus includes business texts which were published by the author in the Tyumen University Publishing House, as well as documents introduced into scientific circulation for the first time.

The study used grammatical-diplomatic, comparative-historical methods and content analysis, using the method of quantitative calculations, presentation of materials and data obtained in the form of tables and diagrams. Trends in the use of punctuation marks depending on the genre of the document are revealed. It is found that punctuation is mostly associated with the design of the boundaries of the initial protocol, as well as with the change of the modality of the text (from narrative to imperative), presented as a prop "Text" in the structure of an abstract form. It has been established that the reason for the use of punctuation marks in the props "Text" may be the need to designate the boundaries of new information that is included in the document in connection with each new subject of speech. At the same time, the genre (type) is indicated and the content of the primary document is retold, from which new information is extracted. The pragmatic part in the form of the document reflects each

Citation: Trofimova O. V. 2021. "Punctuation Marks in the Regional Business Text of the Second Half of the 18th Century: On the Problem of the Formation of the Russian Punctuation System". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanities, vol. 7, no. 4 (28), pp. 78-100.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-78-100

new stage in the activities of the office, which is due to the need to resolve the current legal extralinguistic situation.

The variants of punctuation design of subordinate explanatory sentences that contain the pronoun *what* are studied. Such grammatical constructions introduce the indirect speech of another addressee into the text, and therefore they are often included in the structure of written business communication.

A formal grammatical analysis of complex syntactic constructions in two regional documents of 1773 and 1787 was carried out. The principle of selecting texts for research is the presence in the text of punctuation marks in large numbers or their complete absence. This feature of the text may be a consequence of different punctuation literacy of the writer.

The text corpus has a significant volume. The volume of the corpus allows the author of the article to consider that the results obtained on the regional material are objective, and to project conclusions on the history of Russian punctuation as a whole.

Keywords

Russian punctuation, history of the Russian language, principles of Russian punctuation, document language, handwritten writing, linguistic analysis of the text, 18th century, grammar, form.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-78-100

REFERENCES

1. Valgina N. S. 1979. Russian Punctuation: Principles and Purpose. Moscow: Prosveshcheniye. [In Russian]
2. GBUTO GATO. F. I-3. Op. 1. D. 191. [In Russian]
3. GBUTO GATO. F. I-6. Op. 1. D. 86. [In Russian]
4. Danilevskiy N. I. et al. 1998. Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian History. Moscow: Russian Humanitarian State University. [In Russian]
5. Zhivov V. M. 2017. History of the Language of Russian Writing. In 2 Volumes. Vol. I. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. [In Russian]
6. Zinder L. R. 1987. Essay on the General Theory of Writing. Leningrad: Nauka. [In Russian]
7. Ivanova V. F. 1962. History and Principles of Russian Punctuation. Leningrad: Leningrad University Publishing House. [In Russian]
8. Kuzminova E. A., Remneva M. L. (ed.). 2000. Grammar of Laurentius Zizania and Meletius Smotritsky. Moscow: Moscow State University Publishing House. [In Russian]
9. Nikolaeva T. M. 1979. "On the functions of punctuation marks in the Russian language". In: "Modern Russian punctuation". Moscow: Nauka, pp. 26-35. [In Russian].
10. Penkovsky A. B., Schwarzkopf B. S. 1979. "The experience of describing Russian punctuation as a functional system". Modern Russian Punctuation. Moscow: Nauka. Pp. 5-25. [In Russian]
11. Complete collection of laws of the Russian Empire from 1649. Vol. 16. Printed in Printing House 2 of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Accessed on 07 June 2021. http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php [In Russian]

12. Rozhdestvensky Yu. V. 1990. Lectures on General Linguistics. Moscow: Higher School. [In Russian].
13. Mikhail Lomonosov's Russian Grammar. Printed in St. Petersburg. At the Imperial Academy of Sciences in 1755. Accessed on 12 May 2021. <http://www.runivers.ru/bookreader/book192769/#page/60/mode/1up> [In Russian]
14. Trofimova O. V. 2000. "For the sake of and other allied means of expressing goals in different genres (based on the material of the Tyumen business writing system of the 18th century)". Tyumen State University Herald, no. 4, pp. 45-60. [In Russian]
15. Trofimova O. V. 2002. Tyumen Business Writing. 1762-1796: Book 2. Monuments of the Tyumen Business Writing. From the Funds of the State Archive of the Tyumen Region. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. [In Russian].
16. Trofimova O. V. 2002. Tyumen Business Writing. 1762-1796: Book 3. Tyumen Handwritten Business Texts 1762-1796 in Aspects of Linguistics and Document Management: Linguistic Text Analysis. Tyumen: Vektor Buk Publishing House. [In Russian]
17. Trofimova O. V. 2014. "Russian document of the 18th century: punctuation of the original manuscript and transliterated publication". Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica 7. Folia 179. Kraków: Wydawnictwo Naukowe UP. Pp. 57-71. [In Russian]
18. Trofimova O. V. 2021. "The study of punctuation of the Russian document in the formal aspect (based on the Tyumen business texts of the last third of the 18th century)". Tomsk State University Herald. Philology, no. 70, pp. 137-165. [In Russian]
19. Trofimova O. V. 2021. "Features of punctuation of handwritten business texts (based on the Tyumen archival documents of 1762-1796)". Language and Method. Vol. 7: The Russian Language in Linguistic Studies of the 21st Century. Russian Punctuation in the Communicative Aspect. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, pp. 59-71. [In Russian].
20. Uspensky B. A. 1975. The First Russian Grammar in the Native Language. Moscow: Nauka. [In Russian]
21. Shapiro A. B. 1955. The Basics of Russian Punctuation. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House. [In Russian]
22. Shubina N. L. 2006. Punctuation of the Modern Russian Language. Moscow: Academia Publishing Centre. [In Russian]
23. Shcherba L. V. 1983. Theory of Russian Writing. Leningrad: Nauka. [In Russian]
24. Language and method. Vol. 7: The Russian language in linguistic studies of the 21st century. Russian punctuation in the communicative aspect. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. [In Russian]